

Каскад празднично сияющего света стремительно струился по фасаду здания. Издалека карамельно-кремовая непрерывность такого светового движения, от плохо различимой в туманных сумерках декабря крыши здания и до самой земли, живо воспринималась как весёлая, но всё же механически примитивная мелодия невидимой шарманки. Которая громко, зазывно-неистово будоражила окружающую свинцово-серую воздушную реальность города не повторяющимся потоком звуковых, математически точно рассчитанных механических напевов, а ослепительно игривыми брызгами дрожавшего света. Он исходил от электрических лампочек. Истончённые ажурным инеем продрогли они на слабо морозном воздухе.

Лампочки, крошечные комочки предпраздничного ликования, вблизи увиделось, изобильно искрились-дурачились истошно заразительным, показно легкомысленным весельем. А своечасно спустившиеся с декабрьских небес ранние сумерки, почему-то ощутила плечами, тут же начали наполняться быстро густевшей темнотой. Ещё несколько шагов мимо удальски, вызывающе нарядно разукрашенной фасадной стены здания, достаточно известного в Донецке, – и плотная завеса отяжелённого темнотой воздуха вплотную окружила многолетне выносливую, в несколько этажей, городскую застройку. Окружила да не сразила своей контрастной яркому свету чернотой. Удачно схоронилось здание от расстрельных блокадных напастей в беззвучном свечении умело кем-то организованной радости.

И было вокруг много света. Но почему-то плохо было на душе. Доверялась она больше привычно тревожной, повторяющейся изо дня в день, и по сей день, фатальной цепкости рано наступившего вечера. Не позволила она поверить в добрую беззаботность быстро приближавшихся к городу Новогодних праздников. По-прежнему нервно вздрагивал Донецк в басовом грохоте совсем близко разрывающихся снарядов.

По-прежнему, мало кто обращал на это внимание. Но, совсем по-новому, подумалось: а кому же это теперь надо, если на улице, и не только на этой именно улице, – быстро пронесившиеся по проезжей части дороги машины. А на пешеходном тротуаре – пустота.

Неспешно отдаляясь от здания, почему-то часто оглядывалась на то странно впечатлившее меня «веселье». Думаю, так во мне проявилось малоприятное и неожиданное волнение – мурашки-фриссон по всему телу. И ещё потому, что с каждым, медленно, но уверенно пройденным шагом приближалась к пониманию: ну и как же это надо теперь связать воедино – кровавую жертвенность ежесуточных обстрелов всего города и чьё-то крамольно вызывающее желание веселиться в строгих обстоятельствах резко обострившегося фатального противостояния сторон Донбасского конфликта. Как будто ничего значительного, трагически печального вокруг и не происходит. Как будто можно и не замечать, с каким звериным, в разы ускоренным остервенением утрамбовывается, плотно и на десятилетия вперёд, разорвавшимися и случайно не разорвавшимся снарядами донецкая земля.

Их глухое послесловие, липко-проклято заметное повсеместно бедственным кровоточением из незаживающих на плоскости города ран, кажется вечным стоном горести. Быть может, утихомирится она однажды в тайно путанных лабиринтах растянувшейся на многие года трагедии. Но сейчас особенно зловеще протяжно терзается она у реки Кальмиус. Река, истинно родовая пуповина многоликой городской сущности, тянет-притягивает к себе, мощно поглощает в себя все, без разбора, окрестные шумы. Потом она одним жёстким порывом глушит их в бездонном водном круговороте бессловесной нейтральности, окончательно топит их в пучине люто свирепствующей вокруг вражды. Река Кальмиус – сегодняшний спасительный талисман Донецка. Города, то ли изуверски жестоко наказанного за что-то своей судьбой, то ли сложно и отчаянно упорно пытающегося всеми возможными силами преодолеть насквозь сковавший его фатум предначертанной ему свыше обречённости – пережить, выстоять, возродиться.

В последнее время с такими мыслями всегда ступаю на мост, соединяющий проходом-проездом по нему две основные части города. Бетонно широкоскулые, старенькие опоры

моста сегодня прочно опутаны под водой многолетним плетением водорослевых цепей. Непролазно дико загрязнили они природные глубины Кальмиусской родниковой воды. Старательно маневрируя у перил моста между ограждениями, в виде деревянных строительных перпендикуляров с туго натянутой между ними бело-красной полиэтиленовой лентой – который год всё никак не начнётся генеральная починка опасно одряхлевшего моста – приближаюсь к той половине города, где и прописан в паспорте Донецка его знаменитый центр – погрязший во мху праздности ковчег вызывающей беспечности. Сегодня этот городской район основательно выдвинулся из своей некогда привилегированной позиции статиста-наблюдателя происходящих в Донецке событий. И придвинулся центр к городским окраинам, вернее, обдуманно-понятливо, одновременно-добровольно-принудительно, сроднился с ними в разы повышенной степени опасности проживания в этом районе города. Немигающий красный свет ежесекундно ожидаемого обстрела города, в нескончаемой многодневности приевшейся своим трагическим постоянством блокадности, теперь в Донецке превалирует. Всем горожанам, повсеместно – такого света поровну. Теперь – всем его хватает.

Идя по мосту, внимательно гляжу по сторонам. Обстрел города, кажется – где-то совсем рядом, не только продолжается. Он исступлённо усиливается. У воды звуковая резкость высвободившегося из металлической оболочки снарядов, раскалённых огненным запалом пороха, многократно обостряется. Иногда – несколько, очень много взрывов подряд. Звериным эхом раскрепощённого насилия зло больно ранит город. И всё чаще – смертельно. Плохие мысли и скопом накатившие к берегам реки звуки канонадных залпов жадно поглощает вода Кальмиуса. Она же, тихой настороженностью своего безмолвного участия в происходящем в городе – выжидающе, по обеим от моста сторон, постепенно, в это время года, хрупко леденеет. Совсем скоро, уже – к утру, все городские звуки, перемешавшись с холодным дыханием малоподвижного города просто кубарем раскатятся, туда или сюда, близко-далеко, по хрустально прозрачной поверхности первого в этом году Кальмиусского льда.

Размышляю, но стараюсь идти быстрее. Мягко-молочным светом горят на мосту стилизованные под старину фонари. На многих – разбитые стекольные пластины в плафонах.

Но высокие металлические остовы, держатели фонарного света, стойко удерживаются, через каждые несколько метров пробелов, в не поддающейся хаосу прямолинейности.

А самой – не споткнуться бы, не упасть. Глубокие щербинны асфальтовых пробоев моста коварны своей неожиданностью. Однако надо спешить. Сегодня – мой водный день. Дома дел – невпроворот. И об этом – обобщённо доходчиво. И в пределах графика подачи технической воды в многоэтажные дома города. Год, как горячая вода в кранах домов вообще отсутствует. Газовые колонки срабатывают от случая к случаю, в зависимости от давления воды. А холодная вода – раз в три дня – стабильно радуёт по означенным в графике районам. В каком именно районе будет сегодня вода – узнаётся по эсэмэскам, что заведомо рассылаются городским водным департаментом на телефон каждого жителя. «Касаемо графика подачи воды» – дословно, можно узнать по предлагаемому телефону.

Очень интересно рассматривать на дисплее телефона перечень городских районов. Невольно по ним, «касаемо водного графика», составила в сознании историческая карта Донецка: районы – Ленинский, Ворошиловский, Будёновский, Калининский, Киевский, Петровский, Заперевальная, Магистральный, микрорайон Широкий, квартал 288, Боссе, посёлок Полежакова. Азотный, Октябрьский, Застанционный, посёлок шахты Октябрьская, Лидиевка, Солнечный, Голубой, Индустриальный...

Перечень – далеко не полный. Но по таким, революционно монолитным названиям районов, по их не изменённым, в духе нового, развязно-грабительского перестроечного Донбасского времени, я по-новому увидела мой город. Вспомнила, как тяжело буксовал он в годы бурно начинавшегося по всей стране экономического застоя, как больно обрастал он на каждом метре своей легендарной живучести липомами лжи. Как быстро углублялась пропасть между посланием предков Донецку будущего – не менее легендарные названия городских районов! и несметным, преступно раздутым дрожжами отстрельного беспредела, богатством новых угольных «джентльменов», кроваво-тяжко отвоёванным у конкурентов, таких же обыкновенно беспринципных провинциальных барыг.

Вот и получается, водный коллапс Донбасса, как это ни странно, начался не в феврале 2022 года. Он безжалостно

иссушает этот регион безводностью уже десятилетия подряд. Только не принято было тогда говорить вслух о перебоях с водой в городах, вплотную, без видимых границ административного деления местности, подступивших к Донецку. Там вода, вопящий злоторением признак разбазаренной на Донбассе зазря человеческой цивилизации, уже давно подавалась в дома по пару часов в сутки. Там давно, десятилетия назад, люди привыкли к её постоянному отсутствию, безропотно смирившись с положением отверженных. Те, не так уж и очень отдалённые от Донецка, жилые районы давно испытывают на себе все тяготы депрессивного бытия: повальная безработица, жестокий дерибан шахт и заводов, с последующим их закрытием. Десятки километров разрушенной, наспигованной тонно-тяжёлым металлом промышленной зоны. Километры ужасающего упадка жизни, пинки в спины более не нужных, истаскавшихся на многочасовых шахтных сменах рабочих.

Именно так. Донбасс – регион тяжёлого физического труда, прежде всего. И только потом – страна скученного проживания миллионов. Это – тот самый край, теплынная окраина полыньего степного дурмана, в которой усилием многих удалось на какие-то годы создать прочные предпосылки добропорядочной и сытой жизни. Для всех без исключения. И это – оглушительно звенящий подземными богатствами предел, где вызывающая ужас звериная жадность единиц, плебейская тяга неистребимой холопской поросли к фантастическому обогащению – поставила целый регион на колени, низвела людей до положения их возможной и успешной поголовной утилизации.

...Онемевшие от безысходности прообразы Донбасского героизма... При въезде на мост, в виде густо окрашенных в чёрный цвет фигур рабочих, революционеров, работниц, в косынках на головах. Короткими восклицаниями основательно забытых лозунгов стоят фигуры на главном каменном постаменте в кругу символического военно-трудового единства, фигуры немого взаимного понимания и поддержки. Собственно, здесь, у начала моста, кончается скользкая по набережной Кальмиуса вселенная сомнительной стабильности. И начинается космос стабильной неустойчивости. И сильно штормит здесь разбушевавшаяся стихия, грешащая заклятой двойственностью трагичности.

– А что мне ваш график? Если воды в кране нет. – Между прочим поведала о своей жизни молодая женщина. – Я уже год снимаю себе квартиру на набережной.

– Вы приезжая?

– Ага. Блокадная скиталица с Щорса (улица, близко параллельная центральным проспектам Донецка).

– Так... что же происходит?..

– А то, что на наш кряжистый утёс вода не доползает. Нет давления. Моя квартира на пятом этаже, считай, смертельный номер. – Женщина вызывающе рассмеялась. – А что же мне делать? Булькает что-то в кранах, по трёхдневному графику, на уровне первых-вторых этажей дома, а дальше – спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Слыхали?

– ?!

– К слову, отопления в нашем доме тоже нет.

– Как так нет?!

– А вот так. Стали запускать тепло, слесари бегали по подвалам, суетились, да трубы в подвале насквозь гнилые. Менять их, или чинить кто будет? Из лета в лето ничего никто не делал. Жильцы годами писали письма, куда-то жаловались. А потом, кто как может – соседи врубают кипятильники, печки. Отключается свет. Электрической проводке – больше полувека. Я съехала оттуда. Теперь вон в том доме – указывает рукой на многоэтажку у берега Кальмиуса – я и живу.

– А там вода есть?

– Ура! Есть! Моя квартира на первом этаже. Слушайте! Теперь это самый надёжный в городе этаж. Вода из крана течёт день и ещё немного больше, потом может часами тонкой струйкой шевелиться по трубам. Относительно тепло. Квартира не угловая. Да мне сейчас всё равно... Работаю на удалёнке. Хватает. Но из подвала той девятиэтажки вонище... Мама моя дорогая... Гниль кругом, вонючая радость бытия.

– Вы в городе одна?

– Почему это одна. Родители у меня здесь. Папа меня здорово опекает.

К слову, пока мы с незнакомкой разговаривали, вокруг нас озорно бегала вприпрыжку её мохнато озорная собачка, одетая в меховой комбинезон, со смешным капюшоном на половину собачьей головы. Милашка, так её звали, то резво убегала от хозяйки, то весело, чуть ли не запыхавшись, возвращалась к ней.

– А лапы собачке как моеете?

– Да стоит у меня в коридоре пластмассовый таз с водой, вот сейчас придём домой, я её туда и поставлю. Раз-раз и всё. – Незнакомка громко похлопала в ладоши. Милашка, в своё удовольствие легко покрутившись по кругу, вернулась.

Вспомнила я об этой случайно неслучайной встрече с молодой женщиной, когда вернулась домой и, стоя у крана с лихо льющейся из него водой, наполняла этой водой пластиковые бутылки. В те самые, которыми теперь переполнено всё свободное пространство в квартире, после получения питьевой воды, в виде гуманитарки из России. Гуманитарка, уже несколько месяцев, как прекратилась. Питьевую воду, как и все горожане, покупаю. А часть гуманитарных бутылей выбросила, но большинство, по необходимости, оставила. Потому что тем водным запасом, что сейчас плотно убутылится полными бутылками пол кухни и ванной комнаты, я смогу пользоваться пару дней. При экономии расхода воды – часть её останется до следующего дня подачи воды, предусмотренным графиком. Но вечер подачи воды, один раз в три вечера, с 19.00 до 21.00 – это не поездка на Канары.

Надо накипятить воду, чтобы перестирать загрязнившиеся вещи, перемыть, с яростной спешкой в мыслях и с чистящим порошком в руках, предметы туалетного декора, надраить кастрюли. И, оживлённо напевая вслух – *главное в жизни это семья* – довести до блеска мутно мытую несколько дней в тазике посуду. Потом – и о себе время позаботиться. И ещё потом, расслабленно, наконец-то, нежно балуя вкусно пахнущим кремом кожу своих рук, уныло поразмышлять: как же тяжело приходится женщинам, кто меткой, целенаправленной пулей летит в такие водные дни с работы домой.

Молча наблюдая за жизнью давно знакомой мне кассирши, в соседнем магазине, однажды, в испуге поразившего меня открытия, заметила: как же мрачно обесцветились её когда-то красивые голубые глаза, как выразительно-грубо и увядающе шершаво обветрились на холодных сквозняках донецкого безвременья её тонкие, всегда на виду руки. Устало, подобно износившимся крыльям, истрепавшимся в нескончаемом перелёте в чудную страну не испробованного на вкус женского счастья, женщина, по годам ей – чуть больше тридцати лет, клала кисти своих рук у кассового аппарата. Выжидала, когда

покупатели пересчитывали деньги из своих кошельков. Женщина, всегда исподлобья, внимательно и терпеливо, с кроткой повинностью известному только ей долгу смотрела на людей. Не поднимая головы от раскрытой кассы, всего лишь раз, тихо сказала она однажды раздражённому и её медлительностью, ядовито задевшему её за это грубыми словами мужчине:

– Я – такая же, как и вы все. Только вы сейчас пойдёте к себе домой, недалеко отсюда живёте, каждый день к нам в магазин приходите, я вас знаю, а мне ещё на Будёновку надо ехать... Не знаю, застану ли сегодня воду...

Люди у кассы притихли. Кто-то вслух догадался, что тот день был Будённовским. По графику техническую воду в тот район вечером погонят. Но Будённовка, для дилетантов, это даже – не Торез, не Макеевка. В магазинах, в сберкассах, в больницах работают женщины и из этих городков. Летом – сломя голову спешат после работы на автобусы, подстраховывая другу друга – то одна подольше в магазине остаётся, то другая. Зимой – снимают в Донецке квартиры, собираясь в небольшие, чтобы выходило предельно подешевле, компании.

Такие компании великовозрастно моложавых женщин, собираются по две-три особы, можно заметить на набережной, у Кальмиуса. Женщины, тихо о чём-то разговаривая и стараясь держаться особняком, медленно дефилируют по пешеходным дорожкам. Как-то выпукло-заметно наблюдается присутствие таких стареющих «девичников» с момента стремительного исчезновения из города мужчин. Очень много жизненных, совсем несентиментальных историй.

Невозможно было не обратить внимание на красиво стройную молодую девушку, шаловливо уверенно, не промахнусь! подбрасывавшую в воздух со своих крепких рук громко смеявшегося малыша. Их я часто замечала у Кальмиуса. Довелось однажды и присесть рядом с девушкой на скамейку, пока её малыш, смешно подражая рёву буксующей машины, катал по дорожке свою игрушечную машинку.

– А у нас давно все мужчины по заработкам разбежались. – Повела женщина. – И на Украину, и в Россию, и в Польшу рванули, когда ещё ничего здесь и не начиналось. Знаю таких, кто себе там новую семью завёл. Хотя и приезжают, обязателька у них такая, к своим старым, к здешним, значит. Девчонки тоже разбежались. Многие уже в Европе. Там программы какие-то работают. Языки учить надо. А я не могу уехать. У меня

родители престарелые. Ухаживаю за ними. А родить решилась... когда поняла, что замуж вряд ли когда выйду. Мне уже двадцать семь лет. Наплакалась в подушку по любви, которой нет... по семье, которая и не случится в моей жизни... А мама быстро утихомирилась, она у меня учительницей до пенсии работала. А вот с отцом, он у меня бывший военный... Только что не в рукопашную на меня бросался. Знаете, так смешно было наблюдать, как он вначале к сыну присматривался, чуть ли не принюхивался, боком как-то на него смотрел. Я качаю Антошу, коляска посреди комнаты, а отец делает вид, что газету читает. А сейчас жить без него не может.

– Может, и вам уехать отсюда надо...

– А я уезжать никуда не собираюсь. Пенсий моих стариков... маме сказали в пенсионном фонде – ущербная категория, сорок лет стажа... представляете? Хотя у отца хорошая пенсия, военная. Но денег, в итоге – как куры всё в один присест склевали. А лекарства надо покупать. Сама получаю пособие, как мать-одиночка. Уже и подрабатываю, квартиру два раза в неделю у одних убираю.

– Много платят?

– Пособие, что ли? Ой, лучше не смешите, дождётесь, ага... Хорошо, что послушалась маму, и, пока Антоша подрастал – кивнула головой на малыша – не покупала ему подгузники, а хотелось же пожить цивилизованно – девушка рассмеялась. – Рук своих было жалко. Ежедневные стирки пелёнок. Все тряпки в доме в ходу были. И ещё помощь была такая, подгузниками для грудничков. Да всего пара пакетов... когда-никогда... Долго не протянешь. И хозяева квартиры особо не балуют. Как-то задержалась я на уборке, в городе начинался комендантский час, пришлось вызвать такси, чтобы домой доехать. Почти треть той оплаты заплатила за поездку.

– А специальность есть...?

– Только-только аттестат школьный получила, когда всё начиналось. Мы уехали из Донецка. Почти год скитались по квартирам в Бердянске. Деньги быстро кончились. Мы вернулись. Учиться бы надо было, через год без труда и практически без конкурса поступила в университет, на филологический. Диплом есть. Да пошла официанткой в ресторан работать. На чаевых хорошо держалась. Очень уставала, но такое насмотрелась... – Девушка загадочно закатила усилием разывшегося в её голове воображения глаза к небу. – Веселится

народ, ничего не скажешь, шикарно люди живут. – И тут же сникла, характерно утрированно вытянув в трубочку свои губы, мило очерченные природной контурной красотью.

– И как же вы сейчас живёте?..

– Знакомые одежду от своих деток нам отдают. Дети же быстро растут. Люди, как оказалось, залежи детской одежды хранят. Штанишки-кофточки с этикетками попадаются. У меня подруга, вместе в школе учились, работала в частном детском садике, она рассказывала, что одна знатная мамаша ей свои, не много раз надёванные эксклюзивные вещи с удовольствием отдавала. А так... Нам только суперхенд, блажь бедняцкая, и остаётся... – С ностальгическим оттенком в голосе. И, неожиданно долгой и непроницаемо задумчивой улыбкой, очевидно, навязчиво терзавших её мыслей, девушка поразительно ответственно преобразилась в истомившуюся в житейских испытаниях, слишком рано помудревшую женщину.

Загадка моего потрясения: не к месту было бы говорить – девушка обернулась немигающим взглядом старухой. Потому что внешний вид незнакомки, её слишком заметные внутренняя подтянутость и не подпорченное витающей в воздухе фальшью душевное здравие, всё-таки успокаивали взор её живым, хорошо ощутимым оптимизмом нормальной женщины. Смело, без наглядно обескураживающей женской плаксивости преодолевают такие сегодня невзгоды Донецкой блокадной философии.

Оптимизм, к счастью, в Донецке заразителен. Помню, как покупала себе кусочек мяса, на котлетки, одна, добрым словом общительная бабушка. Вслух, короткими шуточками-прибауточками приценивалась, пока выбирала глазами нужный кусочек мяса в стеклянной витрине магазина. А когда, наконец, один тощий обрезок душевно ей приглянулся, вытащила из глубокого кармана куртки, аж перекрутилась старушка вся набок, небольшую жменю денег. Осторожно положила монеты и несколько бумажных купюр на прилавок перед продавщицей, аккуратно разложила денюшки указательным, искорёженным подагрой пальцем:

– На, Таня. Бери, посчитай. Всё, что от секунда осталось.

– Да вы, я смотрю, опять потратились? – Продавщица серьёзным взглядом своих ярко выразительных глаз, с приклеенными чрезмерно мохнатыми ресницами на верхних веках, понятливо ободрила бабушку. Взвесив мясо на весах

и пересчитав деньги, она несколько монеток вернула бабушке. – Сегодня ещё и знатно погулять у вас получится!

– Да ты что?! – Бабулька обрадовалась. – Шоколадку себе куплю. Ох, и люблю я шоколад, Таня. – Бабушка, лукаво улыбаясь, аппетитно причмокнула языком.

Шоколад в Донецке покупают. Очень популярен дорогой, с допиской на ценнике – настоящий. И тот, что из соевого суррогата слеплен да разными фруктовыми консервантами наполнен, вообще не залеживается в магазинах. А секунды, многочисленные клондайки-барахолки хорошо попользованного европейского благополучия, – так это же нынче источник пира радостей для большинства женщин. Магия слов – НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ! – у входа в суперхенды – торжество женского неприкаянного блаженства! В прожитых годах заметно упрочилось его присутствие в женском одёжном разнообразии. Европейское качество ношенной одежды на плечах дончанок – бесспорно. Безнадёжно восполнимое устаревание модных, давно изживших самих себя тенденций – налицо. А ценовая недоступность надёжно качественных прикидов – кожаная обувь, шерстяное пальто, красивые льняные платья – увесистая оплеуха по лицу женского самолюбия.

Но от неё можно и увернуться, став завсегдатайкой местных рынков. Есть ещё в городе и сеть чрезвычайно популярных магазинов, пополняющих своё неиссякаемое одёжное изобилие поступлениями, ясно, что не прямыми, из Китая. Как заходишь в такой, бюджетно доступный практически всем аутлет – прилив к носу запахов резких химических сплавов – непутёвая амальгама тяжёлого духа – с ног сбивает. Два этажа – дешёвого ширпотреба, в виде колодкообразных туфель на будоражащих мнение признаками психической нестабильности – в них ходить или стоять на месте? – каблучищах. Чёрные прорезиненные лосины, в липкую обтяжку по длине ног, воздухо непроницаемые – под кожу – курточки, для своеобразно быстро взрослеющих девчонок. Аляповато нелепые сумки – для женщин. И ряды рюкзаков. Их носят и девушки, и женщины. И как же это всё, в полной комплектации относительно недорогой ценовой доступности, беспощадным издевательством над женской человеческой сутью угнетает сознание. Но магнитуа мгновенного взаимопроникновения эмоционального состояния и обострившегося обоняния – теперь надолго памятная явь.

А без оно́го, издевательства над сознанием, ловко увертываются от отделов переработанной в Поднебесной резины местные чиновницы. Потому что есть в таком магазине совсем не запертый на ключ островок обетования качественного текстиля: тактильно нежные, чудных лавандовых расцветок, длиной до самого пола банные халаты, хлопково-смесовые наборы постельного белья, увесистыми стопками на полках... А выбор густо-мохнатых махровых полотенец... банных, ручных, для ног... А цены на них... Но ответственно работающие женщины не скупятся. С холодной независимостью опытного и зрелого руководящего достоинства катят они к кассе метро-вые тележки, наполненные доверху действительно качественным и роскошным товаром. Внешнее, в том числе, и эстетическое великолепие которого покруче витающих в пространстве запахов.

Но, если, несмотря ни на что, верить в светлые мечты, если верить и мечтать о светлом, как тогда принять к пониманию название праздничного, в одном из магазинов, торта – «Чёрный лес»?

Быть может, в такой, мрачного чёрного цвета жовиальности – так нужно, так надо... – взбитым кремом мистического наворота загустела упрямо странствующая в донецкой ауре скорбь выпланных слёз, тихо и безвременно овдовевших и осиротевших в блокадном времени женщин. Мера страданий чувств, оказавшихся замороженными долготерпением – в годах не иссякающей бессоннице. У каждой женщины она – своя.

В лицезрении ночного бодрствования, в опустошённом личными муками пространстве – в ночной темноте любое кажется огромным, и у каждой дончанки свой крест испытаний. Одухотворённо выпестованы они правоверием смиренности, неизлечимо тихо тлеют безропотным огорчениями в душах. С обратной стороны каждого креста – упрямо не затухающий свет надежды – так надо... так нужно...

г. Донецк, ДНР